

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава II. Церковно-реформационное движение во время патриаршества Иосифа и его главные представители (продолжение)

Столичный кружок ревнителей благочестия. Особенности его воззрение, задач и целей, по сравнению с провинциальными ревнителями. Важнейшие известные представители этого кружка. Царь Алексей Михайлович, как член кружка ревнителей благочестия. Его семейное воспитание в грекофильских традициях. Алексей Михайлович, как убежденный грекофил и убежденный сторонник полного и тесного единения русской церкви с тогдашнею вселенскою греческою. Политические мотивы его грекофильства. Решение царя и Стефана Вонифатьевича произвести церковную реформу в смысле полного единения русской церкви с тогдашнею греческою. Предварительные меры царя и Стефана Вонифатьевича, какие ими предприняты, еще в патриаршество Иосифа, для проведения намеченной ими церковной реформы: вызов в Москву ученых киевлян и начатое ими исправление церковных книг с греческих; заботы об открытии в Москве греческой школы; поручение греческому назаретскому митрополиту Гавриилу произносить в Москве устные на современные темы проповеди; согласование некоторых наших церковных чинов с тогдашними греческими, по указаниям Иерусалимского патриарха Паисия; посылка на восток Арсения Суханова для изучения на месте греческих церковных чинов и обрядов; обращение к константинопольскому патриарху, как высшей церковной инстанции, за решением вопроса о единогласии; приказ царя на многолетиях, вместе с московским патриархом, поминать и вселенских греческих патриархов. Никон как член кружка ревнителей благочестия. Меры со стороны царя и Стефана Вонифатьевича привить Никону, как кандидату в патриархи на место Иосифа, грекофильское направление и превращение Никона, благодаря этим мерам, из грекофоба в грекофила, способного осуществить церковную реформу, ранее намеченную царем и Стефаном Вонифатьевичем. Федор Михайлович Ртищев, как деятельный и влиятельный член кружка ревнителей. Его особенная расположенность к киевским ученым инокам, к Киевской школе и литературе; его расположенность к грекам и к русским представителям разных направлений. Его дом, как сборный нейтральный пункт, для представителей всех направлений, где они свободно вступали между собою в состязание, о чем знал и государь. Анна Михайловна Ртищева, как деятельная сторонница церковной реформы, и боярин Борис Иванович Морозов, сочувствовавший грекофилам.

В то время, как в лице провинциальных ревнителей на сцену выступала старая Русь, выросшая и воспитавшаяся на Псалтыри, на житиях святых, на старых московских сборниках и их содержанием, прочно державшаяся всех дедовских верований, обычаев и

традиций, крепко веровавшая в их незыблемость и спасительность, крайне неподатливая на всякую новину, желавшая исправлять только распущенные народные нравы, дурные обычаи, и церковные нестроения, вызывавшиеся беспорядочною жизнью и деятельностью духовенства, и притом желавшая исправлять все это, так сказать, чисто домашними средствами, не сходя с русской исторической почвы, неизменяя своей родной, заветной старине; — другая группа кружка — ревнители столичные, верхи, смотрели на дело реформы иначе. К тем задачам и целям, какие преследовали провинциальные ревнители, они присоединяли еще и другие, для достижения которых уже требовалось совсем иное понимание дела, иные средства и иные люди, ничего общего с провинциальными ревнителями не имеющие.

Отличительной чертой столичных московских ревнителей благочестия, сравнительно с провинциальными, было то, что они, вопреки последним, признавали несостоятельность старой русской жизни в некоторых ее основах, именно: русские церковные книги они признавали сильно испорченными, и потому нуждающимися в исправлении по греческим подлинникам, а равно так же они признавали испорченными, нуждающимися в исправлении по образцу греческих, те русские церковные обряды и чины, которыми русские порознились с тогдашними греческими. Они признавали, что старое русское обучение и образование, основанное на крайне одностороннем и случайном начетчестве, совершенно несостоятельно, и должно быть заменено устройством в Москве правильной школы, с помощью ученых греков и киевлян, которых поэтому следует приглашать в Москву и для обучения в школе и для производства книжных переводов и исправлений. Помимо устройства школы, недостатку образованности и знаний в московском обществе, они старались помочь усиленным изданием как имевшихся в Москве разных учительных и назидательных книг, так особенно печатанием в Москве разных южно-русских сочинений. Но что особенно важно: столичные и провинциальные ревнители благочестия самым решительным образом расходились между собою во взгляде на относительное достоинство русского и греческого благочестия, на отношение к современным грекам.

Если после флорентийской унии и падения Константинополя многие русские книжники, руководимые национальным самомнением и самовозвеличением, стали настойчиво заявлять ту мысль, что истинное благочестие у греков стало пестро, склонилось к латинству, испроказилось махметовою прелестью, что высшее и совершеннейшее православие теперь находится только у русских, а вовсе не у греков, почему вере и благочестие теперь следует учиться не русским у греков, а наоборот — грекам у русских; то у нас несомненно в тоже самое время существовали и другие взгляды, признававшие греков по-прежнему строго во всем православными, настаивавшими на необходимости всегдашнего тесного единения русской церкви с вселенскою греческою. Она — греческая церковь, по этим воззрениям, никогда не утрачивала своего исконного православия, никогда ни в чем не изменяла своих древних отеческих церковных уставов и чинов, и никогда не теряла своего древнего права на руководительное значение в церковных делах всего православного мира, а следовательно, когда нужно, и в делах русской церкви. Если у нас, под влиянием флорентийской унии и падение Константинополя, под влиянием

факта политической самостоятельности и все более расширявшегося и крепнувшего московского царства, русская митрополия сделана самостоятельной и независимо от константинопольского патриарха; то в это же время у нас существовала и другая довольно сильная и влиятельная партия, которая решительное стояла за старину в церковных делах т. е. за прежнее подчинение московской митрополии константинопольскому патриарху, и новый порядок считала уклонением от законной истинно православной нормы церковной жизни. Пафнутий Боровский, а так же и другие лица, не хотели признавать за митрополита святителя Иону, как поставленного без благословения константинопольского патриарха. Если потом национальная русская партия, с Иосифом Волоцким во главе, признала митрополита Иону святым, заявляла, что «русская земля ныне благочестием всех одоле» (слова «Просветителя»), то представители противной Иосифу партии: Нил Сорский, Вассиан Косой, Курбский, Максим грек и др. не хотели признавать за святых тех вообще русских, которые явились у нас в качестве святых после того, как русская митрополия освободилась от зависимости константинопольского патриарха. Партия Иосифлян взяла решительный верх и сурово расправилась со своими грекофильствующими противниками, но окончательно уничтожить основные идеи этой партии не могла, — они сохранились в русском обществе и потом, только в измененном виде: факт независимости русской церкви от константинопольского патриарха был признан, как законный, но в то же время признавалась и необходимость всегдашнего единения русской церкви с вселенской греческой, как вполне православной. Само наше правительство, побуждаемое между прочим и практическими потребностями, всегда держалось этих воззрений на греческую церковь: оно поддерживало непрерывные связи с православным востоком, щедрою милостынею патриаршим и архиерейским кафедрам и разным монастырям оно усиленно стремилось поддержать там православие, радушно принимало у себя всех просителей милостыни с востока, а некоторых из них даже оставляло у себя на вечное жительство. С другой стороны наше правительство, в известных случаях, само нуждалось в православном востоке: так оно хлопотало, чтобы восточные патриархи признали царское венчание Грозного; по настояниям нашего правительства константинопольский патриарх ставил у нас первого московского патриарха, и наше правительство заботится, чтобы это ставление было формально и торжественно признано всею вселенской греческой церковью. После Иерусалимский патриарх Феофан ставит у нас в патриархи Филарета Никитича, благодаря чему наши связи с греческой восточной церковью становятся еще теснее, пока наконец, в лице царя Алексея Михайловича, не превращаются в решительное грекофильство, так резко проявившееся потом в церковной реформе

Никона.

Главными представителями этого грекофильского направления в столичном кружке ревнителей благочестия были, как мы уже видели: глава всего кружка Стефан Вонифатьевич, его духовный сын — сам царь Алексей Михайлович, Никон, впоследствии патриарх, боярин Феодор Иванович Ртищев, его сестра Анна, боярин Морозов и, вероятно, другие лица.

К кружку ревнителей благочестия принадлежал, (как мы сказали), сам молодой государь,

тишайший и благочестивейший Алексей Михайлович. Он сильно подчинился нравственно-религиозному влиянию своего уважаемого духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича. Благодаря, между прочим, Стефану, из Алексея Михайловича вышел особый любитель церковных служб и знаток церковного устава, любитель почитать разные благочестивые и назидательные книжки, человек лично очень благочестивый, великий церковник и ревнитель о водворении и распространении церковности и благочестия в народе. Он до конца своей жизни близко к сердцу принимал все церковные интересы, близко всегда стоял ко всей тогдашней церковной жизни, сердечно и горячо относился ко всем ее запросам и движениям. Он вполне разделял общие убеждения и стремление кружка ревнителей благочестия, относился к их деятельности с полным сочувствием и одобрением, готов был оказать им содействие и поддержку в их стремлении улучшить и поднять на большую высоту церковную жизнь, смягчить и облагородить грубые народные нравы и обычаи, в которых еще так много было языческого. Благодаря Стефану Вонифатьевичу Алексей Михайлович познакомился с некоторыми провинциальными членами кружка ревнителей, вошел с ними в личные сношения. Так он и царица хорошо знали Неронова и нередко царь со всей семьей приезжал в Казанский собор чтобы слушать там церковную службу, отправляемую Нероновым единогласно и особенно истово, слушать поучения, которые Иоанн обязательно читал и толковал народу. Неронов являлся и в царский дворец, где учительный протопоп всегда встречал в царской семье радушный и благосклонный прием, благодаря Стефану царь лично познакомился и с протопопом Аввакумом, который не раз представлялся царю и царице, был им хорошо известен и они даже знали его детей. Наконец царь познакомился и потом близко сошелся с самым видным членом кружка ревнителей — новоспасским архимандритом Никоном, которого он особенно любил и, вместе со своим духовником, предназначил в преемники патриарху Иосифу. Так, благодаря протопопу Стефану Вонифатьевичу, между царем и более видными представителями кружка ревнителей благочестия образовались личные отношения. Царю нравились эти строгие, горячие и неустанные ревнители, он чувствовал к ним и их деятельности большую симпатию и даже любил их. Это давало ревнителям всегдашнюю возможность, особенно при посредстве Стефана, обращаться к царю с разными ходатайствами общественного характера, а царь охотно принимал их представление и некоторый из них заботился немедленно привести в жизнь. Царь навсегда сохранил к ревнителям, несмотря на совершенно изменившийся потом обстоятельства, свое расположение, всегда старался примирить их с новым наступившим потом порядком церковных дел, старался щадить их и, при случае, даже защитить от слишком суровой и быстрой расправы с ними Никона патриарха. Конечно с согласия и одобрения царя Стефан Вонифатьевич всячески усиливался примирить Неронова с патриархом Никоном, и царь был очень доволен, когда Неронов пошел впоследствии на уступки и его примирение с Никоном состоялось. Царь потом употреблял много усилий склонить протопопа Аввакума примириться с церковною реформою Никона, подчиниться голосу всей церкви, хотя эти усилия его и не имели успеха.

Царь Алексей Михайлович воспитался в грекофильских традициях своей семьи. Его дед

был ставленником иерусалимского патриарха Феофана, которому поэтому Филарет Никитич всегда оказывал особую любовь, расположение и готовность исполнять все его просьбы о помощи святому Гробу, или о помощи тем лицам, которых Феофан рекомендовал вниманию Московского патриарха. Крайняя не любовь Филарета Никитича к латинству и южно-русской унии, побуждала его еще теснее примкнуть к православному востоку, поддерживать с ним непрерывные тесные связи и единение, вследствие чего он находился в самых живых и деятельных сношениях со всеми восточными патриархами, имел с ними постоянную переписку. Все приходившие в Москву греки встречали у него ласковый и радушный прием, несколько греческих иерархов постоянно жили в Москве, пользовались особым расположением и покровительством Филарета Никитича, и занимали при нем влиятельное положение во всех делах по сношениям с православным востоком. Филарет Никитич сделал несколько церковных исправлений, в видах согласования русских церковных чинов с греческими; он попытался было устроить на своем патриаршем дворе греческую школу, заставлял делать переводы с греческих книг на русский. Словом Филарет Никитич много содействовал развитию и укреплению у нас идеи о необходимости тесного постоянного единения между русской церковью и тогдашней греческой¹.

¹ В житии преп. Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, говорится, что иерусалимский патриарх Феофан отправился в Россию «наполняя всех мира и любви, о правой вер и о делах по евангелию Божию созидаая, утверждая обои пределы т. е. великую Россию и малую. К сему же соединяя укреплял единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческого православия, и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». Мы не можем точно указать, по какому именно частному случаю Феофан счел необходимым убеждать русских «единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческого православия, и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися», в что именно в тогдашней русской церковной практике он находил несогласным с старыми законами греческого православия и другими уставами четырех патриаршеств. Нам известны только два действия Феофана в этом направлении. Когда он, направляясь в Москву, проезжал южною Русью, то нашел в тамошней церкви такой обычай: «в причащении святых и животворящих таин трикратное подаяние с отделением имен Божиих: Отец, Сын и Св. Дух числением». Феофан осудил этот обычай, как чуждый православной церкви и неблагочестивый (Арх. Юг.-зап. России, т. V, стр. 7). Но тот же самый обычай Феофан нашел и в Москве, почему он и обратился к Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этот обычай, заменив его единократным подаянием святых даров, как это делается согласно у четырех патриархов. Настояния Феофана имели успех: «тамошний московский архиепископ, говорит он в окружной грамоте к южно-руссам, за благочестивым царем тот трикратный обычай покинуть обещались» (Рукоп. сборн. библ. Моск. Румян. Музея № 712, л. л. 204 об, — 206). Другой случай — это известное уничтожение из Потребника прилога слова *и огнем* в молитве на освящение воды в Богоявление, возбудившее у нас горячие споры, которые были прекращены вмешательством Феофана, признавшего слово *и огнем* незаконным прилогом, которого нет в старых греческих Потребниках. Вероятно патриарх Феофан обращал внимание Филарета Никитича и на другие какие-либо церковные особенности Московской Руси и настаивал на согласовании их с греческим тогдашним церковным чином и обрядом, чтобы «древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». По крайней мере Филарет Никитич, в одной из своих грамот Феофану (в 1625 году), писал: «да ваше святительство писал к нам и прислал переводы с греческих древних Потребников о «священии богоявленские воды и о прилоге огня *и о иных духовных делех*, о которых мы, по совету сына нашего государя и великого князя Михаила Феодоровича, всеа Русии самодержца, *советовали с тобою*, как еси был у нас на Москве, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилоге исправили и утвердили по вашему совету во веки неподвижно» (Большой москов. архив мин. иностран. дел, Греческие дела, 7133 г. № 5). Очевидно, что уже Филарет Никитич, под влиянием советов и убеждений Феофана, производил частичное согласование русских церковных чинов и обрядов с тогдашними греческими. Очень характерно сказало отношение патриарха Феофана к тогдашним русским церковным событиям в деле преп. Дионисия архимандрита, так жестоко было пострадавшего за свои, книжные исправления. Преп. Дионисий был горячим убежденным почитателем преп. Максима Грека, вполне понимал и одобрял произведенные

последним у нас книжные исправления и переводы с греческого, сам ими пользовался, заботился об их распространении, и, при исправлении им. Потребника, произведенного по поручению царя, сам справлялся в некоторых случаях с греческими книгами, и таким образом он принадлежал, к редким тогда у нас грекофилам, почему, как справщик, и обвинен был в порч русских церковных книг, и подвергся несправедливым жестоким преследованием. Патриарх Феофан, познакомившись в Москва с этим делом, энергично вступился за преп. Дионисия, постарался добиться оправдания не только его лично, но и признания правоты совершенных книжных исправлений, чего вполне и достиг, благодаря воздействию на своего ставленника Филарета Никитича. Но этого мало. Прибыв в Троице-Сергиев монастырь, Феофан особенным образом выразил свое чрезвычайное уважение и расположение к преп. Дионисию, именно: он торжественно, с особою церемонией, возложил, при мощах преп. Сергия, свой патриарший клобук на голову преп. Дионисия. Конечно патриарх Феофан все это делал не даром. Он видел в преп. Дионисии сторонника и почитателя греков, энергичного представителя в русском обществе того направления, которое заявляло, что не греческое проверяется русским, а наоборот — русское греческим, Поддержать и укрепить это слабое еще тогда направление среди большинства русских Феофан, как грек, считал своею прямою неременной обязанностью. Не даром конечно и современным событиям составитель жития преп. Дионисий замечает о патриархе Феофане: «дивный патриарх Феофан учинил многи сыны православные греческия книги писать и глоголать, и философство греческих книг до конца научил дать». Конечно это замечание биографа преп. Дионисия о характере деятельности патриарха Феофана на Руси более относится к южной Руси, но могло иметь отношние и к Руси московской, где Феофан, очевидно, всячески заботился поднять и укрепить греческие авторитет вообще. И ему в значительной степени удалось. Филарет Никитич, будучи ставленником Феофана, окружил себя в Москве разными выезжими греческими иерархами, всегда покровительствовал им и поддерживал их, в некоторых случаях обращался к их советам и указаниям, как людям образованным и сведущим. Так ахридский архиепископ Нектарий, выехавший в Москву еще в 1613 году, и сделавшийся у нас епархиальным вологодским архиереем, был лишен кафедры местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Ионою. Сделавшись патриархом, Филарет Никитич пересмотрел дело о Нектарии, нашел действия Ионы неправильными, и восстановил грека Нектария на его прежней вологодской кафедре в качестве русского епархиального архиерея. В 1628 году приехал в Москву и остался в ней на житье при патриархе вверийский митрополит Аверкий, пользовавшийся в начале особым расположением и доверием Филарета Никитича: в 1629 году приехал в Москву и остался в ней жить селунский митрополит Паисий, в 1630 году севастикийский Иосиф и в том же году еще приехали и жили в Москве митрополиты: зинхновский Неофит и ибрийский Афанасий. В Москве же жил и назывался архангельским, ранее прибывший в Москву с константинопольским патриархом Иеремиею, элассонский архиепископ Арсений. Оставались в Москве и жили здесь и другие выходцы греки: архимандриты, еромонахи и старцы. Так, например, иерусалимский патриарх Феофан, уезжая из Москвы, оста вил здесь, на вечное житье, своего старца Иоанникия, чтобы иметь в нем преданного агента при московском дворе, который бы служил в Москве представителем, истолкователем и влиятельным поборником интересов иерусалимского патриарха. Иоанникий сделался в Москве келарем Новоспасского монастыря и пользовался особым расположением Филарета Никитича. Между прочим сохранилась «сказка Новоспасского монастыря келаря Иоанникия» о монастырях, имеющихя в Царьграде, Иерусалиме и во всей греческой земле, писанная им по просьбе Филарета Никитича. Когда персидский шах прислал в дар царю Михаилу Феодоровичу ризу Господню, в Москве остереглись сразу поверить в подлинность этой ризы и, между прочим, обратились за справками к келарю Иоанникию, не знает-ли он чего про «Христову срачицу» и про иные святыни: где они и в каком государстве, не слыхал-ли он чего об этом в Греции, когда был там? (Наша книга: Характер отношений России к прав. востоку, стр. 171). Вообще при патриаршем дворе Филарета Никитича постоянно толпилось много греческих архиереев, которые, пользуясь своими архиерейскими правами, участвовали во всех церковных службах на ряду с русскими иерархами и даже присутствовали на приемах иностранцев патриархом. Тяготение к грекам Филарета Никитича было так велико, что он, нуждаясь в образованных и сведущих людях, хорошо знающих греческий язык, решил просить в 1632 году тогдашнего константинопольского патриарха Кирилла Лукариса приискать на востоке и прислать в Москву подходящего православного учителя, который бы основал в Москве греческую школу и был бы способен переводить книги с греческого языка на русский. И когда в том же 1632 году в Москву приехал протосингел александрийского патриарха Иосиф, ранее несколько лет живший в южной России и изучивший здесь русский язык, он, по просьбе Филарета Никитича и государя, остался в Москве с тем, чтобы «служити... духовными делы: переводити ему греческие книги на славянский язык и учити на учительском дворе малых ребят греческаго языка и грамоте; да ему ж переводити с греческого языка на славянский на латинския ереси». Учил ли действительно протосингел Иосиф в Москве малых ребят по-гречески, мы не знаем, во книги с греческого языка на славянский он переводил. К сожалению уже в следующем, 1633 году, умер Филарет Никитич и в том же, или в следующем, году умер и протосингел Иосиф и дело об устройстве в

Вполне естественно было, что по тому же пути, по которому шел в своих сношениях с православным востоком Филарет Никитич, пошел и его внук — царь Алексей Михайловичу только он еще шире, тем его дед, понял самую идею о необходимости полного единения русской церкви с тогдашнею греческою, и энергичное всестороннее проведение ее в жизнь стал считать одною из главных и насущнейших задач своего царствования. На этом пути он встретил себе полную поддержку и одобрение со стороны своего уважаемого духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, благодаря чему из царя Алексея Михайловича и выработался вполне сознательный, убежденный и очень энергичный церковный деятель грекофил, каким он и остался до конца своей жизни. известный Павел Алепский в одном месте своих записок замечает: «нынешний благополучный царь и новый патриарх Никон очень любят греческие обряды и имеют большую склонность к рассуждениям и к учению христианскому, *в особенности царь*». Тот же Павел Алепский передает, что за одним обедом царь, разговаривая чрез переводчика с антиохийским патриархом Макарием, «просил (Макария) молиться за него Богу, как Василий Великий молился за Ефрема Сирина, и тот стал понимать по-гречески: *чтобы и царю также уразуметь этот язык*»². Как именно Алексей Михайлович сам себе представлял свои грекофильские церковные стремления и в какую реальную форму должны были, по его мнению, отливаться эти стремления, это с особенной ясностью выразил впоследствии, в своих к восточным патриархам, в которых он приглашал их в Москву для суда над Никоном и для приведения в порядок русских церковных дел. Так грамоте к константинопольскому патриарху Паисию он пишет: «мы ныне от злого рачение нашего — потщавшеся обновити и подутвердити союз церковного общаго нашего мира — тоя единые православные веры, да будет между вами же и нами яко же прежде сие и ныне и потом непременно до кончины века, — пишем и молим тя известитеся опасно хотяще... быти нам с вами желаем едино, якоже глоглет самая истина Христос, моля Отца своего о хотящих веровати: да будут едино, якоже и мы едино есмы». И в заключение пишет: «Господь же мира и утешения, иже разстоящая совокупляя во едино и тойжде соединение веры да даст благодать пребывати единомыслию церковей своих, сущих во пределех наших и ваших, даже до скончания века нерушиму с вами во исправление и преспеяние и рщение в лучшая нам». В грамоте к александрийскому патриарху Паисию царь заявляет: «во всех благочестия догматех согласоватися с вами хотяще... Отец присносущный и Бог... да преподаст святой свой мир, соединение и единомыслие святым своим церквам». В грамоте бывшему константинопольскому патриарху Паисию царь пишет, что приглашает Паисия в Москву, чтобы «церковей наших единомыслию не отторгнутися Христа и вас». В грамоте к антиохийскому патриарху

Москве греческой школы остановилось (Характер отношений... стр. 482—183).

Таким образом Филарет Никитич, в своей церковной политике, держался ясного, определенного грекофильского направления, желал и делом стремился осуществлять идею постоянного тесного единения русской церкви с тогдашнею греческою, так что при нем грекофильское направление при московском дворе значительно окрепло и усилилось.

² Путешествие ант п. Макария в Россию описанное Павлом Алепским, перев. Муркоса, выпуск второй, стр. 153; выпуск четвертый, стр. 111.

Макарию царь заявляет, что обязанность царя не о царском только пещися, но самое главное: «еже есть общий мир церквам и здраву веру крепко соблюдать и хранити нам; егда бо сия в нас в целости и снабдятся, тогда нам вся благая строения от Бога бывают: мир и умножение плодов и врагов одоление, и прочии вещи вся добре устроятся имут». Просить Макария приехать в Москву «да общий мир церковей от сего известится, иже толико есть потребен, в православии сущим, елика и дыхати нам воздуха, присно бо желаем соблюдать единение веры нашея и быти всегда соединени с вами во едином душе и в соузе мира, яко же и звани быхом во едином уповании звания нашего»³. Очевидно царь Алексей Михайлович попечете о вере и церкви считал одною из первых и самым ответственных своих царских обязанностей: Бог взыщет именно с него, как главного ответственного лица, за нерадение в делах церковных, да и само царство его пострадает, если он допустить какое либо нестроение церковное. Самое же попечете о церкви должно было выражаться, по его представлению, по-преимуществу в поддержании полного единства между всеми православными церквами и, в частности, между русской церковью и вселенскою греческою, в устранении из русской церковной практики всего, что препятствовало и в будущем может препятствовать полному единению русской церкви с греческою. Вся последующая церковная реформа Никона была поэтому, в глазах Алексея Михайловича, только простым, необходимым и прямо обязательным для него — царя актом, устрояющим полное единение русской церкви с греческой и другими православными церквами, к чему он, как православный царь, всегда деятельно обязан был стремиться. А эта обязанность, в свою очередь, покоилась на том его представлении об отношении русского царя к вселенскому православию, по которому русский царь есть единственный теперь в целом мире представитель, опора и охранитель всего вселенского православие, наследник и продолжатель дела великих и благочестивых древних греческих царей. Эти идеи об исключительном призвании русского царя в православном мире, которые на все лады проводили в своих грамотах все восточные иерархи, были вполне усвоены царем Алексеем Михайловичем, и он не прочь в своем лице воскресить образ древних греческих императоров. В грамоте к афонитам, от 11 января 1666 года, царь просит их прислать в Москву «из святогорских монастырей греков, добрых и ученых людей, которые-б знали эллинское и словенское учение, трех человек иноков... Да в святогорских же монастырех сыскати б Судебник да Чиновник всему царскому чину прежних благочестивых греческих царей печатной; а сыскав тех ученых людей и книги, прислать к нам, великому государю, незамотчав»⁴. Из этого видно, что Алексей Михайлович действительно хотел быть возможно точною копиею старых благочестивых греческих царей, и ради этого, стремился иметь у себя их Судебник и Чиновник «всему их царскому чину», конечно с прямою целью чтобы всем своим поведением и придворным чином воочию явиться преемником старых благочестивых греческих царей.

С другой стороны несомненно и то, что в церковных грекофильских стремлениях царя

³ Гиббенет: Дело п. Никона, т. II, стр. 562—578.

⁴ Ibid. стр. 883, 885 — 887.

Алексея Михайловича не последнюю роль играли и политические мотивы, так как Алексей Михайлович считал себя преемником древних благочестивых греческих императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником царства, верил, что ему, или его преемникам, действительно суждено в будущем владеть самым Константинополем и всеми православными народами томящимися под турецким игом. Конечно Алексей Михайлович с особым вниманием и удовольствием слушал, когда приехавший в Москву, в 1649 году, иерусалимский патриарх Паисий, в своей приветственной речи, на первой аудиенции у государя, торжественно, в слух всех говорил между прочим и следующее: «Пресвятая Троица — Отец, Сын и Св. Дух, едино царство и господство, благословит державное ваше царствие, да умножить вас превыше всех царей, и покажет вас победителем и одолетелем насупротивных видимых и невидимых врагов, якоже и древних и новых царей: царя Давида, царя Езекия и великого царя Константина; да утвердит вас и умножить лета во глубине старости, *благополучно сподобит вас восприяти вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего, да освободит народ благочестивых и православных, христиан от нечестивых рук, от лютых зверей, что поедают немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израилевых от фараонских рук жезлом—знаменем честного животворящаго креста*⁵. Точно так же с большим удовольствием, вероятно, Алексей Михайлович читал в челобитной бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара, приезжавшаго в Москву в 1653 году, что поработанные турками греки имеют в русском царе «столп твердый и утвержение вере и помощника в бедах и прибежище нам и освобождение... А брату, государь, моему и сослужителю, великому господину, святейшему Никону патриарху московскому и всеа Руси, *освящати соборную апостольскую церковь Софию премудрость Божию*»⁶. Со своей стороны и Никон, при своем поставлении в патриархи, на приветственную речь царя, говорил ему, что он — Никон желает государю, чтобы Бог распространил его царство «от моря и до моря, и от рек до конца вселенные, и *расточенная во благочестивое твое царство возвратит и соберет во едино* и на первообразное и радостное возведет, *во еже быти ти на вселенней царю и самодержцу христианскому, и возсияти яко солнцу посреди звезд*»⁷. Понятно, что Никон так говорил, хорошо зная, что молодой царь смотрит на себя, как на призванного объединить в своей благочестивой державе все расточенные православные народы, страждущие под игом неверных.

Что политические мотивы играли известную роль в грекофильских стремлениях и настроениях царя, что ему не чужда была мысль сделаться освободителем православных народностей из под турецкого ига и овладеть, как своим наследием, Константинополем, что церковное единение он считал первой и необходимой ступенью будущего политического единения, на это есть некоторые указания у Павла Алепского. Со слов одного боярина Павел рассказывает, что будто бы, когда царь окончательно отпустил

⁵ Наша книга: Сношения иерус. патриархов с рус. правительством, т. I. 137. изд. Палестинского общества, вып. 43.

⁶ Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1889 г., наша статья: проезд бывшего конст. п. Афанасия в Москву стр. 363.

⁷ Гиббенет, I, 15.

Москвы антиохийского патриарха Макария, то, обращаясь окружающим его боярам, он «вздыхнул и сказал: Бога, прежде чем умру, видеть его (п. Макария) в четырех патриархов служащим во святой Софии и нашего патриарха пятым вместе с ними. И все присутствующие ответили: да услышит Господь». Тот же Алепский передает и следующий слышанный им рассказ: в первый день Пасхи греческие купцы, проживавшие тогда в Москве, вместе с вельможами явились к царю с поздравлениями. Государь оделил греков по два яйца и, подзвав их к себе поближе, говорил им: «хотите ли и желаете ли, чтобы я освободил вас и избавил от неволи? поклонились ему и отвечали: как нам не хотеть и выразили ему подобающие благожелания. Он продолжал: когда вернетесь в свою страну, просите своих архиереев, священников и монахов молиться за меня и ять Бога, ибо по их молитвам мой меч сможет рассечь выю моих врагов. Потом, проливая обильные слезы, сказал вельможам своего царства: мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые находятся во власти врагов веры. Бог — да будет прославлено имя Его! — взыщет с меня за них в день суда, ибо, имея возможность освободить их, я пренебрегаю этим, и прибавил: не знаю, как долго будет продолжаться это дурное состояние дел, но со времен моих дедов и отцов к нам не перестают приходиться патриархи, архиереи, монахи и бедняки, стенающая от обид, злобы и притеснений своих поработителей, и все они являются к нам не иначе, как гонимые великой нуждой и жестокими утеснениями. Посему я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них, и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления. Они отвечали ему: да даст тебе Господь по желанию сердца твоего!»⁸. Говорил ли действительно Алексей Михайлович те слова греческим купцам, которые передает нам Павел Алепский, мы не знаем. Но отрицать, что Алексей Михайлович действительно считал себя преемником старых благочестивых греческих царей и наследником их царства, что он за себя, и своих преемников на русском престоле, мог мечтать об освобождении всех православных народов от турецкого ига, мы не имеем оснований. «Тем более, что и в представлении других, более образованных тогдашних русских, идея полного всецелого единения русской церкви с тогдашней греческою сливалась с идеею о политическом объединении под главенством русского царя всех православных народностей, томящихся в турецкой неволе. Так известный грекофил и борец с западником Медведевым старец Евфимий, в доказательство необходимости тесного единения русской церкви с четырьмя восточными греческими патриархами, писал, что русские должны быть «согласны во всем и купночинны с восточною святою церковию и со святейшими, равночисленными св. евангелистам, патриархи», что тогда «и святейшие патриархи подадут вящее благословение и молитву о благосостоянии всероссийского царствия, и народи вси окржнии, сущии православия восточного, Богу возблагодарят и царскому величеству приклонятся, т. е. Евфимий утверждает, что на почве церковного объединения всех православных народов, может произойти потом и их политическое объединение под главенством православного русского царя.

⁸ Путеш. ант. п. Макария, Муркоса, выпуск четвертый, стр. 158, 170 — 171.

Царь Алексей Михайлович до конца остался верен своим грекофильским убеждениям, до конца настойчиво старался провести их в жизнь, осуществить на деле. Царю Алексею Михайловичу главным образом церковная реформа обязана своим началом, своим проведением при Никоне и своим окончательным признанием голосом всей русской церкви после удаления Никона. Никон—реформатор был собственно созданием царя и Стефана Вонифатьевича, он — Никон энергично действовал и проводил реформу только пока жив был Стефан Вонифатьевич и пока он сохранял тесную связь с царем. Как же скоро Стефан Вонифатьевич умер, а сам Никон не сумел поддержать свои прежние близкие отношения к царю, его грекофильство и его прежний напряженный интерес к произведенной им церковной реформе сильно охладели и заменились равнодушием. После удаления с патриаршей кафедры Никона, все дело поддержания церковной реформы пришлось вести одному царю, и Алексей Михайлович действительно умело и искусно довел его до конца: он создал новых преданных реформе деятелей — Павла, Илариона, Иоакима, которые и действовали в его духе и по его указаниям, так что только благодаря исключительно его усилии и умению церковная реформа Никона, не смотря на все противодействие ей со стороны большинства тогдашнего общества, была торжественно и окончательно принята всею нашей церковью.

Решив привести русскую церковь к полному единению с тогдашней греческой церковью, и ради этого совершить проверку наших церковно-богослужебных книг с греческими подлинниками, нашу церковно-обрядовую тогдашнюю практику объединить с современной греческой, царь Алексей Михайлович и его духовник Стефан Вонифатьевич постарались подготовить почву и средства для задуманной ими церковной реформы, которую потом суждено было приводить в исполнение Никону. Еще в 1648 году государь послал в Киев в Печерский монастырь инока Марка «добоголюбезного епископа Зосима», которого просил прислать в Москву Дамаскина Птицкого «для своего государева дела», но в то время «послати того старца невозможно было для монастырския потребы». Тогда в мае 1649 г. государь снова обратился уже к киевскому митрополиту и к властям киевского братского монастыря, чтобы присланы были в Москву старцы — Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий, так как государю «ведомо учинилось, что они божественного писание ведуши и эллинскому языку навычны, и с эллинского языка на славянскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают, а нашему царскому величеству такие люди годны», почему царь и просит митрополита прислать «тех учителей» «для справки библеи греческие на словенскую речь, на время нам великому государю послужити». Благодаря этой грамоте государя, 12 июля того же 1649 года, в Москву прибыли из Киева старцы, книжные переводчики: Арсений Сатановский и Епифаний Славенецкий, поселившиеся сначала на большом посольском дворе, а потом в Чудове монастыре. В следующем 1650 году в Москву прибыл и третий переводчик киевлянин Дамаскин Птицкий⁹. Значит, киевские ученые старцы вызывались в Москву специально для перевода на славянский язык греческих и латинских книг вообще и частнее: «для справки библеи греческие на словенскую речь»; вызывались они потому,

⁹ Большой моск. архив мин иностр. дел. Дела Малороссийския св. 4. № 8.

что «еллинскому языку навичны и с эллинского языку на словенскую речь перевести умеют и латинскую речь достаточно знают». И действительно, с приездом в Москву ученых киевлян у нас сразу книжная справка была поставлена на новых началах: стали справляться не только с древними славянскими рукописями, но и с греческими и южно-русскими изданиями. Так в послесловии к известной Иосифовской Кормчей, которая начата печатанием по повелению государя, по совету и благословиению патриарха Иосифа в 1649 году 7-го ноября, говорится: «буди вам, христоименитому достоянию, всем известно: яко да союз мира церковного твердо, в душе кротости хранится и да не будет, несогласие ради, распри в церковном телеси, сего ради, многие переводы сие святыя книги, Кормчии, ко свидетельству типографского дела, собрани быша; в них же едина паче прочих, в сущих правилах крепчайши, *наипаче же свидетельствована ту книгу греческая Кормчая книга*, Паисия патриарха святого града Иерусалима, яже древними писцы паписася за многия лета, ему же, патриарху Паисии, в те времена бывшу в царствующем граде Москве»¹⁰. В послесловии к Шестодневу 1650 года говорится: «подобает ведати, яко же в книге сей указы о ипокоях, на повечернях по трисвятом, и на полунощницах по трисвятом же, и по шестой песни, вместо воскресных кондак, указаны наряду кондак — заступнице христианом, отложить подобает. Глоголати же вместо того и на повечернях и на полунощницах и по 6 песни, егда не поется святому полиелеос, непременно воскресные кондаки, высоты ради воскресного дне: ипакый бо точию по непорочных глоголются, *понеже и во греческих переводах по сему же уставу обретохом*, еже воскресные кондаки на тех местах глоголати. *Сего ради и последующе сему, также указахом и положихом в конец книги сия*. На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о сем, *зане с прежних переводов печатано, а греческих еще не видехом*». Т. е. справщики заявляют, что положенные ими «в самой книге указы вместо воскресных кондаков петь, в означенных случиях, кондак Заступнице усердная», следует оставить и петь воскресные кондаки, как это показано на двух последних припечатанных после листах книги. Эту перемену они производят потому, что так найдено ими положенным в греческих книгах. В самой же напечатанной ими книге «Шестоднев» эти перемены произведены потому, что во время печатания книги у них еще не было под руками греческих книг, и им пришлось печатать с прежних переводов, греческие же книги явились у них тогда, когда печатание Шестоднева уже было кончено. — В послесловии учительного Евангелие, изданного в Москве в 1652 году, по благословиению патриарха Иосифа, справщики заявляют: «к сему же да не усумнишися православный читателю, егда обрящещи в святой книзе сей исправление речений, в клонениих изменена и другая таковая, и возмнится нова быти и самосмышлена, но несть сиче: понеже за их же святительским благословиением со многих переводов свидетельствованне исправлена суть; переводы же собраны быша: един святыя соборные великия церкви пресвятыя Богородицы Успения, и другий — Чудова монастыря и чудотворца Алексия, и два Симона монастыря, древних писм, *к сим же ин Острожския печати*»¹¹.

¹⁰ Опис. староп. книг Толстого № 114, Царского № 168 и 169.

¹¹ Опис. старопеч. книг Царского, № 176.

Таким образом еще до патриаршества Никона книжная справа у нас, благодаря царю и Стефану Вонифатьевичу, уже прочно была поставлена на совершенно новых началах: при издании церковно-богослужебных книг стали справляться с греческими книгами, ими проверять наши прежние издания и, в случае разногласия славянских переводов с греческими подлинниками, стали давать решительное преимущество последним. Кроме греческих книг стали прибегать еще к сличению московских изданий с южно-русскими, как более исправными в некоторых отношениях, чем старые московские. Очевидно Никону впоследствии приходилось только продолжать книжные исправления в том духе и направлении, как это было налажено уже до него.

Помимо приглашения ученых Киевлян решено было еще в самой Москве основать такую школу, в которой бы преподавался греческий язык, почему стали искать подходящего для школы учителя грека. Когда в 1649 году в Москву приезжал иерусалимский патриарх Паисий, а с ним его дидаскал грек Арсений, который ранее жил киевской Руси и знал славянский язык, то Арсений был оставлен в Москве для предположенных книжных переводов и исправлений, а так же и для учительства. В то же время государь обратился с особою просьбою к иерусалимскому патриарху Паисию, что бы он, возвратившись из Москвы на восток, позаботился приискать там между учеными греками благонадежного учителя и прислал его для учительства в Москву. Об этом свидетельствует грамота патриарха Паисия к государю в 1652 году, в которой он, посылая в Москву, в качестве учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавриила, пишет: «повелели нам, богомольцу вашему, радети и обрести единого учителя премудрого и православного, и не имел бы никакого пороку во благочестивой вере, и был бы далече от еретиков, и послати б нам иво ко святому вашему царствию поклонитися, да учинить учительство и учить эллинский язык, якоже она есть древня от иных язык, понеже она корень и источник другим»¹². В то же самое время, очевидно под давлением царя и Стефана Вонифатьевича, и патриарх Иосиф должен был показать заботливость относительно устройства в Москве греческой школы. Грек Иван Петров в 1649 году писал патриарху Иосифу: «даю ведомость о некотором учителе смышленном эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову, и имя ему Мелентий, прозвище Сирих, что такова учителя второго не обретається во всей вселенной и ни в котором месте. и дал свое слово — хотел придти сюда к благочестивому царю и к святейшеству вашему, а будет благоволение благочестивого царя и великого князя Алексея Михайловича, самодержца всея Руси, и произволением святительства вашего, изволите дати грамоту мне, да он придет сюда, и челом бую, да мне о том учини указ и подай ответь»¹³.

Приглашением ученых переводчиков книг и приисканием на православном востоке учителей греков для предположенной в Москве школы не ограничились, а пошли, в деле сближение с православным востоком, значительно далее.

¹² Греческия дела (в Москов. архиве мин. ин. дел) 7161 г. № 5.

¹³ Греч. дела 7157 г. № 24.

В Москве решительно отсутствовала церковная проповедь и всякое вообще церковное учительство. Правда ревнители уже заводили в церквах чтение для народа поучений—отеческих произведений, или житий святых. Но это были именно чтение, иногда мало понятные для слушателей, чтения о материях крайне далеких, а иногда и совсем чуждых интересам тогдашнего общества, которое нуждалось не в чтениях по книжке, а в устной, живой настоящей проповеди, на более или менее жизненные и современные темы. Так как у наших ревнителей не было достаточного умения составлять и говорить такие проповеди, то решились, чтобы познакомить московское общество с характером настоящей живой проповеди, прибегнуть к помощи приезжих образованных греков. В Москву, 8 декабря 1650 года, прибыл назаретский митрополит Гавриил, игравший деятельную и важную роль посредника между Хмельницким и московским правительством по вопросу о присоединении Малороссии к Москве и хорошо знавший русский язык. Ему поручено было проповедывать в московском Богоявленском монастыре, где он остановился, и где он действительно сказал ряд устных церковных проповедей (из них нам известны четыре проповеди). Особенного внимания заслуживает его проповедь, сказанная им в 1651 году, в праздник Пятидесятницы, причем современный писатель его проповедей счел нужным сопроводить свой список таким замечанием: «глоголаше же сие поучение изоуст в слух всем людем. Отпев божественную литургию». Это поучение назаретского митрополита касалось особенностей тогдашней русской жизни, и несомненно имело прямую связь с обличительными и реформационными стремлениями тогдашнего московского кружка ревнителей благочестия, сказано было с их согласие и одобрение. Вот что услышали о себе москвичи с церковной кафедры из уст приезжего греческого иерарха: разсуждая о спасительности и важности крещение, откуда-де произошло и самое название христиан, проповедник говорит, обращаясь к своим слушателям — москвичам: „самих же себе нарекоште болярами, и не Божиих сынов, но сынов боярских любете себе пред человеки нарицати»; что же касается низших себя — «меньших братий своих сущих» — то их называют небесным званием — «христианми» (т. е. крестьянами), но этим названием «яко бы их охуждают, зане поручены им суть, и от их трудов хранилища своя исполняют и пространно питают». Между тем всякая душа, не именующая себя христианином вдовица есть, лишившаяся жениха, «наипаче пространно питающаяся лихоиманием от трудов кровавых меньших подручников». Приглашая всех не гнушаться званием христианина, проповедник восклицает: «устыдися прочее о сем, о любимче, и воскресни от мертвых сих дел и изыди от мрака гордыни суетного гроба тьмы бесовского самомнения»; Царь и Творец всяческих не стыдится нарицать нас своею братиею, «ты ж стыдишия по Адамлю естеству и по духу благодати подручников своих меншею братиею их себе нарицати. И что глаголю: и священником, иже вас крещением сынами Божиими творят, и пречистые дары божественного таинства преподают, и тем вас с Богом собщают, — зане ж раби Бога живаго суть — выж с рабы своими равно их вменяете. Но ты кто, судяй чуждему рабу? Священника не почитаеши, священника охуждаеши; но слыши слово Его, реченное во пророцех: моих мне отмщение, глаголет Господь; и аз омоих воздам». Впрочем, оговаривается проповедник, не одни знатные заслуживают обличение, «но и во общих и простых людех многуму исправлению подлежаще: недугу лютой болезни пьянства, во

иных же сребролюбивый нрав и непреклонный к милостыни, яж к нищим, иных же блудодеянием и иными многими студеяние, и льстивым обычаем, и лицемерным человекоугодием, и небратолюбием и несогласием сего сродства Божиаго небесного благородия светло помрачают и охуждают, и тако ругающесе, ох горе, сими злыми делы Творцу своему досаждают и небесного звания на прекрасное имя христианское хулу от иноплеменник наносят, по глаголющему: вами бо, рече, имя мое хулится воязыцех». После этих обличений проповедник взывает к слушателям: «проставите от злоб ваших и научитесь добро творити, вы бо есте людие Божие, и язык свят, царское священство, яко ж раби и сыны Божии по благодати. Общее братолюбие нелицемерно друг ко другу имуще, в смиренномудрии со страхом каждый особне, дело и талант ему от Бога врученный, делает: держащий скипетра и диадему царствия, яко истиннии раби Божии, да не туне мечь носить, но на отмщение злых, и да не полагает сего на земли, но присно в деснице своей держай, да посылает его на отмщение иноплемненных язык, расхищающих стадо Христово и умаляющих достояние его; токожде же и да потрясует им над главами всякого хищника, и лихоимца, и посульника, и на мзде суд творящих, и на обиду творящих на неповинных, и на всякого насильника и еретика. И тако бо душа их избавляти страхом от смерти, зане страха Божия не стяжаша, поне страхом слуга Божиаго царя уцеломудрятся и в чувство приидут». Поучив бояр, народ и самого царя, проповедник обращается с поучением к епископам и священникам: «церковные пастырие — святители и наставницы, учителя и проповедницы слова Божие — священники, врученный им от Бога талант духом кротости и всяким смиренномудрием и негорделивым нравом, но благим приветом люботщательне да делает в винограде Христове, неленостно, ниже на мзде, ибо мздоимание проклятая ересь симонианская наречется, еюже безумнии продают Дух Святой, — Июда бо Христа Бога славы по плоти продаде, симоняне Дух Святой продают». Убеждая епископов ставить священников не на мзде, проповедник далее убеждает их духовные пищи — святое учение чистого и правоверного восточного благочестия слово не человекоугодное преподавать — нищим и богатым, и всех бы их равно, яко чада своя духовная от чистого сердца любити, и начасте их назирать во градех и во весях и по домом, да не плевелы и лядина в них лукавого беса вкоренившись, пусть и неплоден сотворить виноград Господа Саваофа, его же содела кровию Сына своего, и тогда от рук ваших крове душ овец своих и сребра своего с лихою взыщет. Подобаает, продолжает поучать проповедник русских архиеереев, пастырем трезвость и бодрость и многое внимание имети, и дабы им нещадно казнити ленивых и пияных попов и чернцов десными и шуями, временне и безвременне, обаче кротостию духа и страхом спасти и от огня исхищающе». Затем проповедник обращается с поучением к священникам: «такожде и попове, говорить он, приходным своим — чад духовных в злобах их, в пианствах же и сребролюбиех, и в леностех и нечистотех их, нимало бы им в тех не поблажати, ниже попуцати, наипаче же самих себе образ им к добрым делам показывати, и тако себе спасут и послушающих их». Не оставил проповедник без назидания и иноков и, особенно, монастырские власти. «Изрядне же, говорит он, отрекшиися мира и мирских—чернцы, обет свой, его же пред послухом ангельским и человеческим Богу в залог дадоша, да присно тщание к тщанию прилагающе, на духовный подвиг подвизаются, взирающе на прежних святых отец, в

повиновении наставников своих и отец духовных, в посте ж и нищете духовней, а не в пианстве и распусте и в непокорении, на таковых бо, рече, грядет гнев Господень на сыны непокорства. Еще ж и начальники иноком в целомудрии и кротости и истины да строят святые монастыри со всяким вниманием и страхом Божиим, помышляюще себе самих пришельцами и странниками на земли быти, и изгнанными от грехов из мира и мирских. А еже врученное им имение монастырское, не своим да помышляют имети, по глаголющему: яко вся имуща и ничто-же содержаща; и ниже то своим сродником по плоти раздовати, и богатых и великих боляр тем друзей себе набывати, да не со святокрадцем Иудею осуждение и муку примите, но паче на удовольствие братии и монастырскую потребу то да строете с советом старцев монастырских в чисте совести своя; якож и оных блаженных трех отрок вавилонстия пещи огонь чистых и девственных не опали; тако бо и ваших неповинных рук, или паче: душ и совестей от монастырского стяжание невредимых быти, и тако наследницы будете обнищавшаго вас ради Христа, и достойную мзду с мудрыми строители в радости от него воспримите и в день воздаяние». В заключение слова проповедник призвав всех: боляр, богатых нищих и убогих к взаимной любви между собою, к повиновению церковному закону, благочестивому и христианскому царю, чтобы быть истинным телом Христовым, домом и жилищем Св. Троицы, — сильно порицает всех неверующих в Св. Троицу: евреев, ариан, гусианы», социан и «проклятых могометан»¹⁴.

Приведенное нами поучение приезжего в Москву за милостынею назаретского митрополита Гавриила, сказанное им в Москве в 1651 году, поучение с довольно резким обличительно-учительным характером, обращенное им ко всем русским, как к высшим, так и к низшим, как к мирским, так и духовным, не исключая самих архиереев, ясно показывает, что отношение к грекам, по крайней мере высшего Московского правительства, уже сильно изменилась даже сравнительно с очень недавним временем, когда на приезжих к нам греков большинство и в Москве смотрело очень подозрительно, а некоторые священники даже не пускали их в свои храмы. Смелое поучительное обращение греческого митрополита в слове к самому царю, чтобы он постоянно держал меч в руках для поражения инопленных, наказание всяких насильников, злых и порочных, а также еретиков, показывает, что слово ранее прочитано было государю и публично произнесено было с его разрешение и одобрение. В противном случае приезжий греческий иерарх милостыне-собираатель никогда бы не решился публично проповедывать в Москве с церковной кафедры в резком обличительном тоне. Самое большее, на что бы сам по себе мог отважиться приезжий в Москву греческий иерарх — это льстивое, напыщенное прославление русского царя, русского благочестия, публичное признание русских светом и опорой всего православия.

И в сфере чисто церковных установлений царь и Стефан Вонифатьевич, еще за несколько лет до патриаршества Никона, уже выступают на тот путь церковных исправлений, какие потом стал производить Никон. Именно: царь воспользовался приездом в Москву

¹⁴ Импер. публичн., Погодинския рукописи, по нынешнему каталогу 1560. л.-л. 9—15.

иерусалимского патриарха Паисия и советовался с ним о посте в четыредесятицу и относительно времени совершение литургии и, вероятно, по другим церковным вопросам, в видах приведение к единству нашего церковного устава и всей церковной практики с тогдашними греческими порядками и практикой, намечая этим характер будущей реформы Никона и, в известном смысле, предваряя ее. Об этом соглашении государя с патриархом Паисием по некоторым вопросам, мы узнаем из письма к государю самого патриарха Паисия, который пишет: «относительно святой четыредесятницы царствие твое изволил послать своего боярина просить нас, чтобы мы относительно ее учинили соглашение со святейшим патриархом, братом и сослужителем; и я сказал, что в продолжении всего года должна совершаться божественная литургия в два часа, а в святую четыредесятницу, которой научил нас Господь наш Иисус Христос, должно поститься до отпуска вечерни, так как она есть одесятствование всего года, дабы исповедывались христиане для заглаждения грехов и очищение душ, если что они содеяли во весь год... Я же, долгоденствующий царь, сказал твоему боярину, чтобы было так, как решено тобой, ибо в праздник святого я спросил твое царствие о литургии, и ты приказал, как пишет устав... и я, услышав твое царское слово, что указал следовать уставу, очень
возрадовался»...¹⁵.

В то же время, в видах более широкого проведение в будущем задуманной церковной реформы, в видах подготовки для нее более обширного и на месте собранного материала, царь посылает на восток, вместе с отъезжавшим туда из Москвы Иерусалимским патриархом Паисием, известного старца Арсения Суханова, которому государем поручено было составить «описание святых мест и греческих церковных чинов», как он их найдет, хорошо ознакомившись с ними на месте.

В 1651 году наше правительство пошло в указанном направлении далее. Патриарх Иосиф, несомненно под давлением царя и Стефана Вонифатьевича, принужден был обратиться к константинопольскому патриарху за разрешением некоторых возникших у нас церковных вопросов и, главным образом, вопроса о единогласии в церковных службах, чем решительно и ясно было признано, что в случае возникновения у нас сомнений и разногласий по вопросам нашей церковной практики, русские должны обращаться к представителю греческой вселенской церкви — константинопольскому патриарху, которому и принадлежит решающий голос по возбужденным вопросам.

Наконец, не задолго до смерти патриарха Иосифа, царь Алексей Михайлович сделал еще один в высшей степени важный шаг: он велел на многолетия, вместе с московским патриархом, поминать и вселенских греческих патриархов. Июня 11-го 1652 года Никон, тогда еще новгородский митрополит, с пути, при возвращении из Соловецкого монастыря с мощами св. Филиппа митрополита, пишет государю: «а что во многолетии и вселенских патриархов поминать, и то зело благо, как ты государь писал»¹⁶. Это распоряжение царя,

¹⁵ Арсений Суханов, С. А. Белокурова, ч. I; прилл., стр. XXXVI.

¹⁶ Письма русских государей, ч. I, 382, стр. 302.

чтобы на многолетиях поминались вселенские патриархи, было публичным, торжественным признанием полного единения русской церкви со вселенскою греческою, публичным в слух всех признанием тогдашних греческих патриархов такими же православными, как и московский патриарх.

Таким образом царь Алексей Михайлович и его духовник протопоп Стефан Вонифатьевич, еще в патриаршество Иосифа, уже наметили, очень ясно и определенно, характер будущей церковной реформы, которую должен был совершить потом преемник состаревшегося Иосифа. Они вызвали из Киева ученых книжных справщиков, которые еще при Иосифе уже начали в Москве исправлять книги по греческим и южно-русским изданиям. Для этой же цели в Москве был оставлен и известный Арсений грек, которым потом, как и учеными киевлянами, Никон воспользовался для книжной sprawy. Греки еще до Никона допущены были у нас до публичного церковного учительства, чтобы показать русским пример живой устной проповеди, нами было забытой. Еще до Никона царь усиленно заботится об устройстве в Москве школы, в которой бы преподавался греческий язык, почему и разыскивает на востоке подходящего греческого учителя. Еще до Никона наше правительство вступает с приехавшим в Москву иерусалимским патриархом Паисием в соглашение по некоторым церковным вопросам, принимая во внимание сделанные им указания и разъяснения. Но этого мало. Еще до Никона у нас уже обращаются к константинопольскому патриарху за решением некоторых возникших в нашей церковной практике вопросов, и тем открыто признают в делах русской церкви высший авторитет греческой вселенской церкви, ее право делать нам указания и разъяснения. В видах будущего согласования всей нашей церковно-богослужебной практики с тогдашнюю греческою, на православный восток посылается нарочитый человек — Арсений Суханов, который обязан был точно и беспристрастно описать все греческие церковные чины, какими он их найдет у тогдашних греков. Наконец в Москве начинают на многолетиях торжественно помянуть греческих патриархов, чтобы тем публично засвидетельствовать, что русская церковь признает современных греческих патриархов вполне православными.

Очевидно церковная реформа, в смысле теснейшего единения русской церкви с тогдашней греческой, в смысле согласования русских богослужебных книг, чинов и обрядов с тогдашними греческими, задумана была царем Алексеем Михайловичем и его уважаемым духовником Стефаном Вонифатьевичем, и что они, еще до патриаршества Никона, уже усиленно готовили почву и средства для ее выполнения в определенном духе и направлении.

Из сказанного понятным становится, какую особую исключительную важность придавали царь и Стефан Вонифатьевич тому лицу, которое должно было занять место патриарха Иосифа. Последний догадывался, а вероятно и положительно знал, о планах царя, о том, что он, Иосиф, занимая патриарший престол, мешает новым деятелям, которые с нетерпением ждут, когда он освободит патриаршую кафедру своему преемнику. Иосиф даже стал думать, что его низведут с патриаршества: «переменить меня, скинуть меня

хотят, говорил он в последнее время своим приближенным». Но царь, в письме к Никону о смерти патриарха Иосифа, решительно отрицает справедливость подозрений Иосифа о его низвержении: «а у меня, пишет царь, и отца моего духовного, Содетель наш Творец видит, ей ни на уме того небывало; и помыслить страшно на такое дело»¹⁷. Вероятно царь и Стефан Вонифатьевич действительно вовсе не думали о низвержении Иосифа, но, в виду его старости и болезненности, конечно думали и говорили между собою о необходимости заранее наметить в преемники Иосифу такого человека, который бы вполне разделял их воззрение на предстоящую задуманную ими Церковную реформу, и чтобы он обладал такими личными силами и средствами, которые бы дали ему возможность твердо и решительно провести эту реформу в исполнение. Они необходимо искали вокруг себя подходящее лицо, и их внимание остановилось на новоспасском архимандрите Никоне, который, казалось, по своим качествам вполне подходил к той роли, какую предназначалось выполнить будущему патриарху.

Никон был бесспорно замечательно умный и богато одаренный от природы человек: живой, восприимчивый, сильно увлекающийся и энергичный, способный своими выдающимися качествами и всей своей личностью производить на других сильное впечатление. Он был учителем и умел хорошо говорить поучения и речи на различные случаи, он обладал обширною начитанностью и прекрасною памятью, что давало ему возможность в своих речах ссылаться на библейско-церковно-исторические примеры, на свидетельства отцов и учителей церкви. По природе он был широкая натура, способная действовать не по шаблону, способная увлекаться новым, оригинальным, грандиозным. Строить он, например, монастыри, но не так, как другие: в одном он воздвигает храм по образцу храма старого Иерусалима и самый монастырь называет Новым Иерусалимом; другой строить по подобию афонского и называет его Иверским, населяет его монахами южно-русскими выходцами, заводит в нем типографию, а в своем Новоиерусалимском монастыре устанавливает церковные службы на греческом языке Киевскими напевами. Проживая в Москве в качестве новоспасского архимандрита, он, как человек умный и восприимчивый, сближается здесь с учеными киевлянами и греками, начинает понимать и ценить их и, сделавшись патриархом, выдвигает их, привлекает к решению церковных дел и опирается на авторитет их учености и знаний. Даже в обычной обстановке Никон любил все необычное, выдающееся, красивое. Так в Новгороде он выстраивает новый хороший архиерейский дом, строит в Москве новый по тому времени роскошный патриарший дом. Никон любит, являясь всенародно в качестве патриарха, торжественную и возможно пышную обстановку: его патриаршие облачение отличались необыкновенною роскошью и их было очень много (одних сакосов до ста). Словом во всем и всюду он проявлял незаурядную натуру, оригинальность, ум и вкус. Поселившись в Москве он заявил себя здесь очень видным и выдающимся общественным деятелем: как новоспасский архимандрит он играл при царе эффектную роль ходатая и заступника за всех бедных, несчастных, обездоленных, что делало его очень популярным. Став потом новгородским митрополитом, Никон показал себя выдающимся для того времени

¹⁷ Ак. Эксп. т IV, № 57, стр. 83.

епархиальным архиереем: он ввел в Новгороде единогласное истовое церковное служение, ввел в церковном пении киевские напевы, которые так любил, говорил к народу поучении, что для того времени было мало обычно. Он строил в Новгороде богадельни, кормил голодных и нищих, щедро раздавал милостыню, лично посещал заключенных в темницы, заступался за неправильно осужденных, заботился поднять престиж всего духовенства в глазах паствы, смело, во имя законности и порядка, боролся с бунтовавшею народной массой, рискуя при этом быть убитым. Естественно, что всеми этими блестящими качествами, выдающеюся незаурядной деятельностью. Никон производил сильное и благоприятное впечатление на царя и на Стефана Вонифатьевича.

Но при своих блестящих природных дарованиях Никон, в то же время, по общему характеру строя всей своей умственной жизни, по приемам и способу своего мышления, по основам своего общего мирозерцания, по пониманию православия и благочестия, по своей малой способности вращаться в сфере высших христианских истин и знаний, был настоящим сыном своего времени, и в этом отношении ничем существенно и коренным образом не разнился от своих друзей, а потом врагов — Неронова, Аввакума и др. Он даже, как и они, был такой же и сновидец и целитель и чудотворец. В существе дела Никон — реформатор оставался тем же типичным старым московским начетчиком, подчас очень односторонним и узким в деле понимание веры и благочестие, как и его противники. Как и у них его мысль и благочестие были прикованы по преимуществу к внешней стороне религии: к ее обряду, к тому или другому церковному чину и обычаю, почему и его благочестие обязательно и неразрывно соединялось у него только с определенной внешней известной формой выражения, — изменение этой формы являлось в его понимании изменением самого существа благочестия. Ему, как и всеми тогдашним начетчикам, доставало, при их выдающихся природных дарованиях, самого главного: систематического правильного обучения, научных знаний, умения изучить предмет критически, умения в делах веры и благочестие существенное отделить от несущественного, важное от неважного, веру и учение от обряда, того или другого исторически сложившегося церковного чина, устава, просто обычая. А все это известным, не особенно благоприятным образом, должно было отразиться впоследствии на всей его церковно-реформаторской деятельности. К этим интеллектуальным особенностям Никона присоединялись еще и некоторые особенности его нравственного характера, которые с особой силой сказались, когда он сделался патриархом. В Никоне-патриархе сказался человек очень властный, гордый и суровый, человек самолюбивый, неуступчивый и нетерпимый к мнению других, а в то же время человек очень увлекающийся, и потому недостаточно устойчивый в самых своих убеждениях и, особенно, в своих симпатиях и отношениях к другим, способный часто действовать под влиянием просто гнева или неудовольствие, и вообще тех или других случайных и чисто внешних впечатлений. Впрочем все эти отрицательные качества выступили у Никона с особой рельефностью только впоследствии, когда он сделался патриархом: ранее их не замечали, и потому Никон, как бесспорно-выдающийся во всех отношениях человек, и был назначен царем и Стефаном Вонифатьевичем в патриархи на место Иосифа.

Если царь и Стефан Вонифатьевич видели в Никоне вполне подходящего по своим качествам человека, который с успехом мог выполнить их план о полном единении русской церкви с вселенской греческой, об уничтожении у нас в церковной практике всего, что препятствовало доселе этому единению, если они уже заранее подготовили для такой реформы почву и средства, а также указали и тот путь, каким должен следовать будущий патриарх для достижения намеченной цели; то понятно, что предназначая Никона в преемники Иосифу, они предварительно должны были получить твердую и несомненную уверенность, что Никон, по своим воззрениям и убеждениям, есть действительно такой человек, который вполне разделяет их воззрение на современных греков, как на строго православных, на русские церковные особенности, несогласные с тогдашними греческими, как на уклонение от строго православных норм, которые сохранились только у греков; на русские церковно-богослужебные книги, как на испорченные русским невежеством, и потому нуждающиеся в их тщательном всестороннем исправлении по греческим подлинникам учеными киевлянами и греками. Словом, они должны были наперед увериться, что Никон будет иметь полную охоту действовать именно в том духе и направлении, в каком желали они. Но именно этого-то о Никоне и нельзя было сказать. Как и все провинциальные ревнители благочестия, Никон очень подозрительно относился к современным грекам и их благочестию, он думал, что истинное благочестие теперь сохранилось только у русских, а не у греков. Эти обычные тогда воззрения большинства русских на греков Никон не стесняясь высказывал открыто уже и тогда, когда он переселился в Москву и сделался здесь новоспасским архимандритом. Неронов впоследствии говорил патриарху Никону: «Святитель, иноземцев (т. е. греков) законоположение ты хвалишь и обычаи тех приемлешь, благоверны и благочестныи тех родители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривал нам: «гречане-де и Малые Росии потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой-де и честь тех прельстила, и своим-де нравом работают, а постоянства в них необъявилось и благочестия нимало»¹⁸. Очевидно, если потом Никон, сделавшись патриархом, сразу заявил себя завзятым грекофилом, то значит, в его воззрениях на греков и их благочестие совершился в Москве, и притом в последнее время, крутой переворот, превративший Никона из порицателя греков в их поклонника и почитателя. Понятно под чьим влиянием и воздействием совершился этот переворот у Никона. Поселившись в Москве, сблизившись с царем, Стефаном Вонифатьевичем и Ртищевым, Никон попал в грекофильствующую среду, выросшую в иных чем он воззрениях на греков, на взаимные отношения русской церкви к греческой. Как человек очень умный и восприимчивый, он не мог не присмотреться к этим новым для него воззрениям на греков и греческое благочестие, не мог не придти к убеждению, что эти новые для него воззрения вернее его прежних, порожденных национальным самомнением, что они более соответствуют исторической действительности, исконным предшествующим историческим отношением русской церкви к породившей ее вселенской греческой. Он не мог не видеть, что при господстве его старых воззрений на греков и православный восток вообще, Россия не может быть тем

¹⁸ Матер. I, 150.

единым православным царством, в которое войдут разрозненные и покоренные турками православной народности, о чем однако постоянно мечтали и проповедывали старомосковские книжники, порицатели греков и их благочестие. Словом, благодаря знакомству с царем, Стефаном Вонифатьевичем, Ртищевым, благодаря частым беседам с ними, Никон незаметно изменил прежние свои воззрения на современных греков как раз на противоположные, незаметно стал сочувствовать, стал принимать участие в планах царя и Стефана — об установлении теснейшего единения русской церкви с современной греческой, на почве согласования русских церковно-богослужебных книг, чинов и обрядов с греческими.

В этом же направлении на Никона действовали в Москве и другие влияния, окончательно убедившие его в правоте и необходимости церковной реформы, ранее в общем уже намеченной царем и Стефаном Вонифатьевичем.

Поселившись в Москве, Никон необходимо познакомился, благодаря царю и Стефану, с появившимися тогда в Москве новыми учительными книгами: Кирилловой и книгой о Вере, тем более, что последняя и издана-то была Стефаном Вонифатьевичем. Знакомство с этими книгами, для Никона обязательное, естественно должно было убеждать его в ошибочности его прежнего взгляда на греков, как на потерявших истинное благочестие, должно было вести его к убеждению, что четыре восточные патриарха «право и неизменно веру, данную им от св. Апостол, и их учеников, и седми вселенских соборов, и поместных соборов, ни в чем не нарушающе, ни прикладая, ни отлагая проповедали и проповедуют, держали и держат (Кириллова книга); что российскому народу патриарха вселенского, архиепископа константинопольского, слушати, и ему подлежати и повиноватися в справах и в науце духовной есть польза и приобретение велие — спасительное и вечное» (книга о Вере). К этим воздействием новоизданных московских книг присоединились еще воздействие со стороны греков и киевлян.

27 января 1649 года в Москву приехал иерусалимский патриарх Паисий, который с обычным почетом принят был царем. Пред наступлением великого поста Паисий прислал в Посольский приказ лист, в котором, рассуждая о важности поста, и желая государю провести его здраво и радостно и невредимо, в конце своего рассуждения пишет и следующее: «еще пребываячи аз при вашей милости в прошлые дни, говорил есми со преподобным архимандритом спасским Никоном, и полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный и досуж и верный царствия вашего; прошу, да будет имети повольно приходити к нам беседовати по досугу, без запрещение великого вашего царствие». После поставления Никона в новгородские митрополиты, Паисий снова прислал в Посольский приказ письмо, в котором восхвалял государя за такой удачный выбор. «Похваляем благодать, пишет Паисий царю, что просвети вас Дух Святой и избрали есте такого честного мужа, преподобного инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствие на святой престол святыя митрополии новгородские, и он есть достоин утверждати церковь Христову и пасти словесные овца Христова, якоже глаголет «Апостол: таков нам подобаше архиерей, и

будет молити Бога о многолетнем здравии великое ваше царствие». В заключение Паисий выражает желание, если позволит государь, подарить Никону одну мантию от святых мест. С несомненностью можно предположить, что в беседах между Паисием и Никоном затрагивались те именно церковные вопросы, которые касались различий, какие тогда существовали между русской и греческой церковно-обрядовой практикой, причем Паисий старался убедить Никона в правоте тогдашней греческой практики и в необходимости, в видах полного единения церквей, согласовать с нею практику русской церкви. Что свои беседы с Никоном Паисий вел именно на этой почве, видно из того, что подобного же рода беседы Паисий вел и с самим царем, а с патриархом Иосифом он, по приказанию царя, даже «учинил соглашение» относительно поста в сорокостнице и времени совершения литургии. Впоследствии сам Никон заявлял, что Иерусалимский патриарх Паисий заирал его за разные церковные вины и, между прочим, за неправильное изображение крестного знамения. Конечно беседы Никона с Паисием происходили по желанию царя и Стефана Вонифатьевича, которые имели в виду этим путем утвердить Никона в убеждении, что современная греческая церковь также православна, как и древняя, и что не русские, а греки должны быть образцом при упорядочении нашей церковно-обрядовой практики. Вероятно и сам Никон, уже ранее признавший ошибочность своего прежнего предубеждения против греков, стремился личной беседой с иерусалимским патриархом проверить свои новые воззрения и убедиться в их правильности, и эти беседы несомненно имели очень большое влияние на окончательную уверенность Никона в правоте его новых воззрений на современных греков. Что же касается патриарха Паисия, то его желание поближе сойтись с Никоном и оказать на него воздействие в интересах греков и всего греческого, было вполне естественно. Никон был любимцем царя, самым близким к нему человеком и, следовательно, мог расположить царя к удовлетворению всех просьб Паисия о помощи бедствующему св. Гробу. С другой стороны патриарх Паисий не мог не видеть, что Никон в скором будущем будет играть в русской церкви выдающуюся и, вероятно, исключительную роль, и потому со своей стороны употребил все усилие обратить Никона в друга греков, постарался рассеять в нем все старые неосновательные предубеждения против греков и убедить его, что греки сохранили православие, благочестие и весь церковный чин и обряд в своем первоначальном, неповрежденном виде и чистоте. И так как это убеждение Никона Паисий к тому же сопровождал особыми похвалами выдающимся качествам ума и сердца Никона, а Никон никогда не был равнодушен к расточаемым ему похвалам, то он, после бесед с Паисием, окончательно примкнул к программе грекофильской церковной реформы, ранее намеченной царем и Стефаном Вонифатьевичем.

Своими только личными беседами с Никоном патриарх Паисий не ограничился. Он решился воздействовать на русское правительство, и в частности на Никона, в видах дальнейшего укрепления его в грекофильском направлении, с помощью других лиц, нарочито присылаемых в Москву. Так 1650 году в Москву прибыл, посланный Паисием, назаретский митрополит Гавриил. Он, как мы знаем, занимался в Москве церковным проповедничеством, а также книжными переводами и в тоже время, с разрешение царя,

вел беседы с Никоном, настаивая как знающий славянский язык, на неисправности русских церковно-богослужебных книг и необходимости их исправления с греческих подлинников, указывал на некоторые неправые русские обряды и на необходимость их исправление согласно с обрядами, существовавшими в греческой церкви. На такого рода зазирания назаретского митрополита впоследствии ссылался сам Никон, в оправдание проводимой им церковной реформы. Но и посылкой в Москву назаретского митрополита патриарх Паисий не ограничился. Сопровождавший его из Москвы известный старец Арсений Суханов, затеял с греками в Молдавии известные свои прения о вере, причем резко высказал тот взгляд, что греки потеряли уже истинное благочестие, которое теперь сохранилось только у русских, что самое православие современных греков сомнительно. Для противодействие этим взглядам и для поддержание уже намеченной в Москве грекофильской реформы, патриарх Паисий решил послать в Москву такое доверенное и авторитетное лицо, которое бы способно было убедительно разъяснить русским ошибочность и полную несправедливость их подозрительного отношения к правосерию и благочестию современных греков, убедило бы их в необходимости привести русский церковный обряд в полное соответствие с тогдашним греческим. Таким человеком был митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, человек ученый, знавший языки греческий и славянский, ранее уже хорошо известный в Москве, так как он присылал в Москву книги, писанные на греческом и славянском языках, а также и разные отписки с тайными политическими вестями. При этом Гавриил Власий был знаком и с теми церковными вопросами и недоумениями, решением которых, предполагалось, ему придется заняться в Москве. Он не только был свидетелем прений Арсения Суханова с греками о вере, но и сам принимал в этих прениях непосредственное личное участие и, значит, уже ранее был несколько подготовлен к своей особой миссии в Москве. В октябре 1652 года митрополит Гавриил Власий прибыл в Москву, причем патриарх Паисий, в своей грамоте государю, рекомендует Власия как «премудраго учителя и богослова великие церкви Христовы», что «такова в нынешних временах в роде нашем не во многих обретаецца», что он уполномочен, «в котором месте не будет, *отвещати за нас во всех благочестивых вопросах православные веры нашея*». Со своей стороны, бывший Константинопольский патриарх Иоанникий, в особой грамоте царю, заявлял, что Гавриил «и богослов и православный в роде нашем, и что произволит великое ваше царствие от него *вопросити от богословия и изыскания церковного, о том ответ будет держати благочестно и православно, яко же восприяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь*». Очевидно митрополит Гавриил Власий был послан в Москву Паисием, между прочим, и с особой специальной целью: отвечать «от богословия и изыскания церковного» на все те вопросы, какие, предполагалось, ему будут предложены в Москве. Как митрополит Гавриил Власий выполнил свою миссию в Москве мы, к сожалению, не знаем. Очень вероятно, что он вел с Никоном, только что сделавшимся патриархом, беседы «от богословия и изыскания церковного», относительно особенностей русского обряда и чина, о необходимости их немедленного приведение в полное соответствие с тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно в виду того, что эти обрядовые разности, как показали прение Арсения Суханова с греками о вере, подают повод некоторым русским подозрительно и даже прямо

отрицательно относиться к православию современных греков. Вероятно эти беседы с митрополитом Власием, человеком ученым и уже ранее подготовившимся к таким беседам, вызвали в Никоне окончательную решимость немедленно заняться исправлением русского церковного чина и обряда. По крайней мере вскоре после отъезда из Москвы митрополита Гавриила Власия (он выехал из Москвы в феврале 1653 г.) Никон, в виду наступившего великого поста, издал свое первое известное реформационное распоряжение о поклонах и перстосложении для крестного знамения¹⁹.

Наконец был еще один фактор, который оказал сильное влияние если не на самую перемену в воззрениях Никона на греков, то на характер и выполнение его будущей реформы. Это были приехавшие в Москву в 1649 году, вскоре после отъезда иерусалимского патриарха Паисия, ученые киевляне, и из них по преимуществу ученейший Епифаний Славинецкий. Дело в том, что при митрополите Петре Могиле в киевской Руси совершилась та же самая церковная реформа, которая произведена была потом Никоном в Москве: и в Киеве, как и в Москве, исправлялись церковные книги с греческих, церковные обряды и чины приводились, по возможности, в полное соответствие с греческими чинами и обрядами. В виду этого вполне естественно было, что ученые киевляне, перебравшись в Москву, явились здесь поборниками той же самой церковной реформы, какую они уже пережили у себя на родине, тем более, что московские церковные особенности служили для многих москвичей поводом и основанием заподозривать православие не только современных греков, но и киевлян. Со стороны последних поэтому вполне естественно было желать, путем церковной реформы в Москве, снять с себя нареkanie москвичей в уклонении от строгого православия. В одной исторической записке, конца XVII века, о деятельности Епифания рассказывается, что он, прибыв в Москву, стал сличать греческую Библию со славянскими переродами и нашел последние очень неисправными, почему и стал заявлять в слух всем, что стыд для православных славян не иметь у себя хорошего перевода Библии. «И оттуду, заявляет записка, вину прием святейший Никон патриарх нача с греческих правити книги славянския, по тогожде мудрейшаго иеромонаха Епифания рассмотрению и извещению, яко книга Литургиарий премного не согласоваше в самом священнодействии с греческим святыя литургии. И тако мало по малу мудрого и православного сего Епифания словеса доидоша в слухи и самого благочестивейшего государя, царя и великого князя, Алексея Михайловича, всея великие и малые и белые России самодержца, что в словенской Библии премногая суть прегрешения в речениих и разумении, не от хитрости, но от простоты и неведение, и несогласие величайшее с эллинской седмдесятых переводников, преведших древле при Птолемея Филадельфе, египетстем царе, с еврейского на эллинский диалект»²⁰. Заявление записки об Епифании, как первом, подметившем испорченность славянских переводов Библии, вовсе неверно, так как Епифаний и вызван был в Москву именно потому, что тут уже признана была несостоятельность переводов старославянских Библии и необходимость ее нового перевода с греческого. Неверно и то известие записки,

¹⁹ Греческия дела 7161 г № 5 (в Моск. архиве мин. иностр. дел).

²⁰ Опис. рукоп. Ундальского № 1291. Словарь писателей духовн. чина ч. 1, стр. 178 — 183.

что будто бы благодаря именно разъяснением Епифания, Никон пришел к мысли исправлять наши богослужебные книги с греческих; к этой мысли пришли в Москве, как мы знаем, ранее прибытие Епифания. Но не считая Епифания инициатором в книжных Никоновских исправлениях, не приписывая ему на Никона того влияния, какое усвоит ему указанная записка, нельзя однако не признать того, что Епифаний, с которым хорошо был знаком Никон, равно как и другие ученые киевляне, могли иметь значительное влияние на окончательную решимость Никона начать церковную реформу в известном направлении, что они своими знаниями и разъяснениями могли сообщить Никону большую уверенность в правоте и полезности дела реформы, могли воодушевлять его указанием на пример южной Руси, совершившей у себя, при Петре Могиле, ту же церковную реформу. Мы уже не говорим о том, что в деле самых книжных исправлений, киевляне, благодаря своим знаниям и научному образованию, были самыми компетентными и полезными советниками и пособниками Никона, который, без образованных и сведущих людей, хорошо знающих греческий и славянский языки, не мог бы произвести и самой реформы, так как Никон не знал греческого языка и сам лично не мог руководить всеми частностями и подробностями книжных исправлений.

Таким образом под влиянием царя и Стефана Вонифатьевича, и, затем, под влиянием иерусалимского патриарха Паисия, назаретского митрополита Гавриила, митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия, и под влиянием выезжих и в Москву ученых киевлян, Никон окончательно изменил свои старые воззрения на греков и греческое благочестие, сделался поклонником и великим любителем всего греческого, готовый, со свойственной ему энергией, страстностью и увлечением, проводить свои новые воззрения в жизнь. Значит, Никон теперь созрел в отношении настолько, что царь и Стефан Вонифатьевич смело могли предоставить ему, по смерти Иосифа, патриаршую кафедру, в полной уверенности, что он поведет дело церковной реформы в том именно духе и направлении, как это было намечено ими ранее.

К московскому кружку ревнителей благочестия принадлежал еще очень видный и деятельный его член—любимец и доверенное лицо царя, друг и собеседник Стефана Вонифатьевича, постельничий и боярин Федор Михайлович Ртищев. Всецело преданный интересам церкви. о глубоко благочестивый, добрый и щедро благотворительный, радеть о всех бедных, больных, старых и несчастных, любитель всякого книжного чтение и почитатель людей ученых образованных, Федор Михайлович имел заметное влияние на деятельность и все направление кружка московских ревнителей. Ему и Стефану Вонифатьевичу все дошедшие до нас свидетельства согласно приписывают инициативу введения в московских церквях единогласия; Стефан по совету с Ртищевым вызывает в Москву Неронова, и делает его, как выдающегося народного проповедника, протопопом Казанского собора; Стефан советуется с ним и по поводу других церковных дел. Особенно заметную роль сыграл Ртищев в деле насаждение в Москве киевской учености и киевского влияния вообще. Он, говорит его житие, имел особую любовь к Киево-Печерской лавре, которой давал «милостыню немалу», а это повело его к знакомству и сближенью с киевскими монахами, между которыми находилось немало

лиц, обучавшихся в Киевской академии. Еще в 1640 году Киевский митрополит Петр Могила, чрез своего посланного, предлагал устроить в Москве монастырь, населить его учеными киевскими монахами и с их помощью открыть при монастыре школу. Это предложение Могила, чрез несколько лет, было осуществлено Ртишевым, который построил близ Москвы известный Андреевский монастырь, куда из Киевской лавры и других южно-русских монастырей переселил до тридцати иноков «в житии, и в чине, и во чине, и пении, церковном и келейном правиле изрядных». Конечно при его деятельном участии были приглашены в Москву, в 1649 году, известные ученые киевляне: Арсений Сатановский, Дамаскин, Птицкий и Епифаний Славинецкий. В 1652 году, по поручению Ртищева, с разрешение государя, путиловский соборный поп Иван привез в Москву из Киева Братского монастыря архидиакона Михаила, «да с ним спевак: Федора Тернопольского с товарищи — одиннадцать человек». Это киевские певчие, приглашенные в Москву только на время, «пошли в Андреевский монастырь на житье», а двум певчим: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, как они сами заявляют в челобитной царю, «по твоему государеву указу велено писати твое государево дело: книгу Камень» и состоять при Посольском приказе. Со своей стороны и архидиакон Михайло, по его собственному заявлению, занимался в Москве переводом книги учителя Августина, «которую, говорит он, велел мне переводить дьяк думный представившийся Михайло Юрьевич», и которую архидиакон действительно успел перевести в Москве до своего возвращения в Киев²¹. Так энергично действовал Федор Михайлович в видах привлечения в Москву ученых, образованных киевлян, которые исполняют у нас самые разнообразные поручения правительственных лиц: занимаются книжной справою, книжными переводами, служат посольскому приказу, обучают московских певчих киевским церковным напевам, которые начинают получать у нас с этого времени значительное распространение. Понятно само собою, что вместе с киевлянами в Москву усиленно переправляются и разные южно-русские книжные издания, которые находят на московском рынке хороший прием и все более широкую распространенность, благодаря чему ученое киевское влияние прочно и надолго укрепляется в Московской Руси. И если царь Алексей Михайлович стремился обучать своих певчих греческим напевам, любил слушать греческое пение и чтение в церкви, старался иметь в Москве греческих ученых и греческую школу; то Ртищев может быть назван главным и деятельнейшим в Москве сторонником киевлян и киевской учености, энергичным проводником у нас киевского влияния. Так именно на него и смотрели в Москве. Дьячек Костка Иванов показывал на допросе: «говорили-де ему, Костке, Лучка и Ивашко: извести-де протопопу, что-де он, Лучка, у кевских чернецов учиться нехочет, старцы-де недобрые, он-де в них добра не познал, и доброго ученья у них нет; ныне-де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никак не хочу. Поехал-де учиться (в Киев) Порфирко Зеркальников, да Иван Озеров, а грамоту-де проезжую Федор (Ртищев) промыслил доучиваться у старцев у киевлян по латыни». Значит Ртищев не только переселял в Москву ученых Киевлян, но и москвичей поощрял учиться у них, а успевающих в учении посылал в Киев для завершения там образования, причем некоторые из москвичей стали учиться у киевлян

²¹ Малороссийския дела (в моск. арх. мин. ин. дел), связка 4, 1650 г. № 8, связка 5, 1652 г. № 15.

только «маня» Федору Ртищеву, т. е. чтобы только угодить и понравиться ему, вовсе серьезно не думая об обучении.

Покровительствуя образованным киевлянам, поощряя обучаться у них наукам, Ртищев, в то же время вполне разделял и грекофильские стремления царя, так как недаром, конечно, в Москве некоторые «меж себя шептали: учится-де у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той-де грамоте и еретичество есть». Известный цареградский архимандрит, учитель, Венедикт, во время своего пребывания в Москве, в письме к боярину Борису Ивановичу Морозову, между прочим пишет: «понеже чрез сына моего о Дусе святе, любимого и мудрейшаго государя Федора Михайловича мне велел еси». Очевидно кроме киевлян Ртищев знакомился и близко сходил и с приезжавшими в Москву образованными греками, так что грек, учитель Венедикт, называет его своим сыном, любимым и мудрейшим. Но и этого мало Ртищев привечал у себя не только киевлян и греков, но и тех из русских, которые выдавались из ряда других своею жизнью, публичной деятельностью, дарованиями, начитанностью, так что его дом служил сборным местом для всех вообще выдающихся деятелей, причем между представителями разных взглядов и направлений, собиравшимися в его доме, происходили иногда горячие и шумные прения. Так Неронов был близко знаком с Федором Михайловичем и впоследствии (после смерти протопопа Стефана), во время своих приездов в Москву даже останавливался в его доме. Протопоп Аввакум, возвратившись из Даур, по его словам, «к Федору Ртищеву зашел» и выражается о нем: «дружище наше старое Федор Ртищев», причем замечает, что в доме Ртищева он, протопоп, «с еретиками бранился и шумел о вере и законе»²². Киевлянин, певчий Василий, заявлял что его призывали к себе в дом Ртищевы, где в то время были еще Иван Озеров и старец Симеон (Полоцкий) «и клали пред ним многие книги, и он-де их переспоривал»²³. Раз Неронов, уже примирившийся с Никоном и признавший его книжные исправления, в беседе с Ртищевым высказал однако мнение, что новоисправленные служебники следует сжечь. Между тем кто-то донес Никону, что будто бы Неронов сжег новоисправленные служебники и Никон, на основании этого доноса, велел привести к себе Неронова, предварительно арестовав его близких. Неронов, рассказывает записка о его жизни «увидев сичевое, пришед ко окольничему, к Федору Михайловичу Ртищеву, свирепо к нему рек Иудо, предавай! С тобой у меня была речь, а не дело. И окольничей нача плакати, глоголя: Старец Григорий (Неронов), непопусти Боже, что мне на тебя клеветнику быти; потерпи Бога ради мной в дому; аз с тобой к патриарху иду, и страготов»; и действительно отправился к патриарху и дело кончилось ничем²⁴. Таким образом Ртищев ограждал от ответственности тех лиц, которые в его доме позволяли себе высказываться совершенно свободно и, благодаря этому обстоятельству, его дом действительно был сборным пунктом для представителей всех направлений, где каждый свободно высказывал свои мнения, где велись горячие споры по разным вопросам, волновавшим тогдашнее общество, причем сам Ртищев относился к разным

²² Матер. для ист. раск. т. I, 280—287, т. V, 59, 65, 98—99.

²³ Гибб. II, 978—979.

²⁴ Мат. I, 160.

мнениям и направлениям вполне терпимо. Это были, очевидно, очень любопытные и характерные собрания.

Вполне естественно было, что царь Алексей Михайлович хорошо был ознакомлен Ртищевым с теми прениями, какие происходили в его доме, с теми лицами, которые вели прения, почему царю хорошо были известны все, как южно-руссы, так и москвичи, выдававшиеся или своею образованностью, или начитанностью и своей природной даровитостью, стремлением к общественной деятельности, искусством и находчивостью в прениях, своим влиянием на окружающих; царь знал, кто что защищает, кто против чего борется, кто стоит за новое, кто за старое и т. п. Очевидно Федор Михайлович Ртищев был, так сказать, связующим звеном, посредником между царем тогдашним передовым, более образованным и развитым московским обществом: благодаря Ртищеву царь в курсе тогдашней передовой умственной московской жизни, сам всецело примыкал к ней, знал, не только все ее направления и оттенки, но и ее представителей.

Вместе с Федором Михайловичем Ртищевым действовала и сестра его—Анна Михайловна. По словам «Жития» Ртищева²⁵. Федор Михайлович свой сестру «аки матерю почиташе» и что она «бьяше ему во всяком благоволении споспешница». По словам жития Морозовой Федор Михайлович и сестра его Анна (в житии ошибочно названная его дочерью), как родственники «и яко возлюбленнии Никону и его новопредания сосуди», не раз приезжали уговаривать Морозову соединиться с церковью, причем будто бы говорили; «велик и премудр учитель Никон патриарх, яко не туне и сам царь его послушает, и вера, от него преданная, зело стройна и добра, и красно по новым книгам служить». И одна Анна Михайловна не раз приезжала к Морозовой уговаривать ее признать церковные исправление Никона. «Сели тебя, говорила она Морозовой, старицы белевки, проглотили твой душу,—аки птенца отлучили тебя от нас»²⁶. В виду преданности Анны Ртищевой церковной реформе Никона, в виду той деятельной роли, какую она, и чрез брата и лично, играла в деле ее распространения в высшем московском обществе, об ней тенденциозно—насмешливо отзываются первые борцы за русскую церковную старину. Так прот. Аввакум, заверяя, что Никон развратил царя, замечает: «я ведь тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом». Рассказывая о призвании Никона на патриаршество, Аввакум замечает: «царь его на патриаршество зовет, а он бытто нехочет; мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают, как чему быть». Еще в одном месте он же говорить: «а о Павле Крутицком мерзко и говорить.... Анны Михайловны любимый владыка, подпазушной пес борзой». Дьякон Федор об Анне Михайловне насмешливо выражается: «Анна, Никонова манна»²⁷. Очевидно Анна Михайловна Ртищева была горячей, убежденной и энергичной сторонницей грекофильской тогдашней партии, и очевидно она играла настолько заметную и для других роль в тогдашней церковной реформе, так близко стояла к ее главным деятелям, что вызвала против себя ненависть и инсинуации со стороны

²⁵ Житие Ртищева напечатано в XVIII томе Древн. Вивлиофики.

²⁶ Мат. VIII, 149—151.

²⁷ Мат. VIII, 29, 38; VI, 228 А. К. Бороздина: Прот. Аввакум, стр. 228

Мы должны еще упомянуть воспитателя царя, боярина Бориса Ивановича Морозова, который был тоже сторонником новых московских церковных веяний и если, по своему положению в государстве, не имел возможности принимать непосредственное деятельное участие в церковных делах, то несомненно вполне сочувствовал деятельности и направлению московского кружка ревнителей, поддерживал и одобрял царя в его стремлении произвести церковную реформу в смысле полного единения русской церкви с греческой, и привлечение для этой цели в Москву ученых греков и киевлян. Недаром, конечно, в Москве тихонько между собой говорили: «Борис-де Иванович держит отца духовного для прилики людской, а киевлян-де начал жаловать, а то-де знатно дело, что туда уклонился к таковым же ересям». Константинопольский архимандрит, учитель Венедикт, писал, будучи в Москве, Борису Ивановичу; «преславнейший и честнейший, всякия чести и достоинства достойный, государю Борисе Иванович, — бью челом и поклоняюся аз богомolec твой грешный, архимандрит Венедикт цареградский. Понеже чрез сына моего о Дусе святе, любимого и мудрейшаго государя Федора Михайловича, мне велел еси, богомольцу своему, да ти изьявлю о седми оных фиалех, о них же Иоан Феолог и Евангелист пишет во Апокалипсисе в 15 главе даж до 17, — да увестъ паки твоя мудрость сие вкратце, понеже време не имам, да ти пишу во мнозе, якож и подобает, понеже в Посольском приказе мне велят по празднице ехать. Понеже фиалы суть един сосуд, яко братина; но яко суть братинки иная малые, а иныя великия, и вся единым зовут именем; сице и фиалы: иныя суть во образе малы, а иныя великия» и т. д.²⁸. Из этого письма Венедикта видно, что Борис Иванович, вместе с другими, интересовался религиозными вопросами, обращался, чрез посредство Ртищева, за разрешением их к приезжавшим в Москву ученым грекам, как более компетентным в решении церковных вопросов, чем доморощенные московские грамотеи.

Из всего сказанного нами об известных нам представителях кружка ревнителей благочестия, нетрудно видеть, что в состав кружка вошли люди очень различного общественного положения и происхождения: в нем мы видим самого царя, боярина Ртищева, Никона, сначала архимандрита, а потом митрополита, царского духовника— благовещенского протопопа Стефана Вонифатьевича, несколько столичных и провинциальных протопопов и священников, и даже женщину: Анну Михайловну Ртищеву. Рядом с царем и боярином другие ревнители были очень невидного происхождения: это или поповичи, или дети крестьян, начавшие свою общественную карьеру с обучения грамоте у какого либо захолустного мастера, и потом перешедшие на клирос или своей родной деревенской церкви или ближайшего монастыря, и постепенно прошедшие все церковные степени, начиная с причетника. Нетрудно видеть, что члены кружка ревнителей благочестия были люди для тогдашнего времени относительно образованные, отличавшиеся большой начитанностью, правда очень одностороннею и узкою, но все-таки резко выделявшею их из среды безграмотной массы, делавшею их

²⁸ Рук. сборн. имп. публ. библ., по каталогу Богданова, вып. I, № 86; л. л. 207—210

людьми сравнительно сведущими, знающими, почему Неронов и оттестует их «добре ведущими закон и пророки». Все члены кружка были люди глубоко благочестивые, набожные, очень воздержные в своей частной жизни и нравственные, всецело преданные церкви и ее интересам, постоянно ревновавшие не только о своем личном спасении, но и о спасении других, и потому люди очень учительные, всегда готовые поучать, наставлять, обличать. Все они действовали на религиозно-церковной основе, на почве и в духе тогдашнего церковного благочестия, одинаково и ревностно стремились к улучшению церковной и всей вообще религиозно-нравственной жизни общества, и свои общественно церковные идеалы стремились провести в жизнь под флагом строгого православия, истинной неповрежденной церковности. По существу все они были людьми с реформаторскими более или менее стремлениями, так как они ясно сознавали недостатки церковной и всей вообще религиозно-нравственной жизни тогдашнего общества, считали себя призванными бороться с этими недостатками, перевоспитать и улучшить все общество своею деятельностью. Но, при известной одинаковости и общности стремлений всех реформаторов, при общности и одинаковости их исходной точки и цели, сами реформаторы значительно расходились однако между собой в понимании того, каким путем, с помощью каких средств и в каких границах нужно вести общество по пути усовершенствования. Если, например, Неронов и Аввакум были, относительно значительной массы духовенства, либералами, новаторами и чуть не еретиками, так как они строго держались единогласия, чинности и истовости в отправлении церковных служб и были учительны; то они же, с другой стороны, были завзятыми консерваторами по отношению к Никоновской реформе, которая в их глазах была отрицанием древнего благочестия, самого православия, прямо злой ересью. С своей стороны сам Никон, так горячо ратовавший в пользу тесного единения до последних обрядовых мелочей русской церкви с греческою, друживший с учеными греками и киевлянами, пользовавшийся в своих целях их знаниями и ученостью; в тоже время крайне нетерпимо относился ко всякому заимствованию с запада, к западной науке и образованности, видел в этом угрозу православию, чуть не ересь, которую нужно всячески преследовать. Если царь, Ртищев, Стефан готовы были устроить в Москве, с помощью греков и киевлян, настоящую школу, и с помощью ее насаждать у нас науку и образованность: то провинциальные ревнители кружка относились к греческим и киевским ученым и к самой их науке прямо отрицательно, видели в науке и учености только одно зловерное кичение человеческого ума, угрозу православию. Словом, члены кружка ревнителей, при одинаковости основ своего мирозерцания и понимания окружающих их явлений общественной жизни, при одинаковости их воззрений на задачи и цели своей общественной деятельности, в тоже время имели очень важные и существенные различия во взглядах на самый характер и причины существующих церковных и других нестроений, на те способы и средства, с помощью которых они должны быть устранены и заменены лучшими порядками; почему одни из них задачи реформы и улучшений понимали более широко, другие более узко, одни думали достигнуть предположенной цели одними средствами, другие считали эти средства недостаточными и находили нужным прибегнуть к другим, — единства во взглядах на характер предстоящей реформы и на средства ее проведения у них не было.

Неудивительно поэтому, что члены кружка ревнителей благочестия, одинаково стремившиеся улучшить, реформировать жизнь русского общества, пошли к этой цели разными путями, потянули русское общество в разные стороны, а в конце концов враждебно столкнулись между собой и вступили друг с другом в открытую ожесточенную борьбу, причем та и другая сторона, увлекаясь борьбою, впала в односторонность, в полное отрицание деятельности и всякой правоты своих противников. Впрочем в начале, когда кружку еще приходилось завоевывать, так сказать, самое существование, создавать и укреплять свое право на руководящую роль в общей церковной жизни, бороться с своими противниками и среди высшей церковной иерархии и среди низшего духовенства, кружок действовал единодушно и дружно.